

КАТАКЛИЗМА

Рассказ

Источник: Никандров. Н. Н. Путь к женщине. Роман, повести, рассказы. Сост. И коммент. М. В. Михайловой; Вступ. ст. М. В. Михайловой, Е. В. Красиковой. - СПб.: РХГИ 2004 - 508 с.

OCR: В. Есаулов, ноябрь 2008 г.

Центр Москвы. Многоугольная, неправильной формы площадь -- Страстная, протянувшая от себя во все стороны, как лапы осьминога, длинные коленчатые улицы, щетинистые бульвары.

В одном углу площади широкий, свободный от зданий просвет -- вход на Тверской бульвар, всегда самый людный в Москве.

В начале бульвара, в десяти шагах от входа, очень высоко, выше фонарных столбов, выше деревьев, на фоне чистого синего неба, резко вырисовывается черный как уголь памятник -- колоссальный, сужающийся кверху гранитный пьедестал, и на нем в известной классической "пушкинской" позе фигура Пушкина во весь рост, раза в три больше натуральной величины, в старомодной длиннополой плечистой накидке, с широким бантом под подбородком, с толстыми колбасовидными бакенбардами на щеках, с обнаженной на ветру курчавой головой и наклоненным вниз пристально-думающим лицом.

Со стороны Страстной площади на неподвижный памятник все время напирает, точно силится спихнуть его с места, многотысячная толпа, вся с перекошенными от натуги лицами, с устремленными на Пушкина жаждущими глазами. Стрелка часов на красной колокольне древнего Страстного монастыря показывает начало пятого, и весеннее, мирно пригревающее солнышко кладет на лица толпы с западной стороны веселые золотые блики, а с восточной -- черные, грустные, уже предвечерние тени.

Идет никогда и нигде не виданный митинг, самочинный, народный, бог знает кем и когда начатый: вчера ли, позавчера, неделю или месяц тому назад.

И в течение всего этого времени, с момента февральской революции, здесь, на площади, под открытым небом, перед памятником -- как когда-то в церквях в Страстную неделю перед плащаницей -- и дни и ночи непрерывно пронизывают друг друга два встречных людских течения: одни, со свежими силами и торжественными лицами, только еще подходят к Пушкину, а другие, уже утомившиеся стоять, отходят от Пушкина. Люди плотной, как гранит, массой сжимают со всех сторон гранитный памятник -- вот-вот готовые поднять его как пушинку на воздух -- и чутко внимающими лицами ловят каждое слово ораторов, лидеров всех существующих политических партий.

Лидеры поодиночке один за другим вырастают на высоком пьедестале рядом с фигурой Пушкина -- все карлики по сравнению с поэтом, все ему по колена -- и суетливыми, охрипшими от крика голосами разворачивают тут перед Москвой программы своих партий, яростно состязаются в знаниях, в красноречии, в смелости...

-- ...Аннексия!.. Федерализм!.. Мажоритарный!.. -- то и дело возносятся вверх, выше головы Пушкина, вылетающие из их распыленных ртов энергичные, хлесткие, эффектные на вид слова. -- ...Империализм!.. Квалификация!.. Референдум!.. Реванш!.. Абсентеизм!.. Абстрактно!.. Конфедерация!.. Маразм!.. Синекура!.. Секуляризация!.. Агрессивный!.. Конфликт!.. Центробежно!.. Анахронизм!.. Предпосылка!.. Дуализм!.. Laissez-passer... Диалектический!.. Периферия!.. Квиетизм!.. Сакраментальный!.. Катаклизма!.. Товарищи, рабочие и крестьяне, правильно я говорю? Народ, пораженный неслыханной плавностью и, главное, безостановочностью речей ораторов, одинаково влюбленными глазами глядит на каждого из них и с одинаковым жаром души отвечает:

-- Правильно!.. Правильно!..

И потом негромко переговариваются между собой:

-- Почти что два часа говорил и ни разу нигде не задумался, не споткнулся!

А нередко, по окончании лидером речи, из толпы несутся к нему вопросы:

-- Товарищ оратор, а у вас нет точных цифр, сколько в России женатых?

Оратор вонзает в небо глаза и без запинки, по-военному выпаливает:

-- Тридцать два миллиона семьсот девяносто одна тысяча четыреста шестьдесят три!

-- А сколько ежегодно рублей прокуривается нашим народом на табак?

-- Шестнадцать миллионов девятьсот тридцать пять тысяч восемьсот семьдесят два рубля тридцать